

Г. БАКАЛОВ

ВОЙНА И ПОЭЗИЯ У БОЛГАР

Для болгар балканская война является прелюдией мировой войны. У них была даже не только одна балканская война, а целых две, последовательно одна за другой. Еще не справившись с турками (то была война союзная, болгар, сербов, греков и черногорцев против турок), болгары втянулись в войну с самыми своими союзниками, к которым присоединились и румыны, т. е. весь Балканский полуостров против Болгарии. Еще не оправившись от страшного погрома, Болгария втянулась в мировую войну, из которой вышла еще более разгромленной. Ища затем виновников всех этих погромов, Болгария почти совсем не останавливалась на роли военной поэзии, своим ура-патриотизмом не мало содействуя факторам, толкавшим к разгромам.

Выделять болгарскую поэзию балканских войн от поэзии мировой войны нельзя. Вторая является простым продолжением первой. Те же лица, во главе с Иваном Вазовым и Кириллом Христовым, те же мотивы, чувства, пафос, та же судьба. Мы рассмотрим одну и другую последовательно.

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ

Сами патриоты Болгарии не смеют отрицать, и не отрицают, бессилие болгарской воинственной музыки за время балканских войн. Только объяснения этого бессилия они не находят. А его не трудно найти в разбойничьих мотивах войны.

Патриоты величают войну против Турции как войну освободительную. «Не в угоду царю какому-то, чей-то монаршей суеты народ послал своих сыновей на лобные места,— заверял Д. Филов; не для добычи в чужой стране пожертвовал он своими детьми в какой-то грабительской войне; но за святую свободу поработенного брата в родные поля послал он их умирать». Эта мнимая «свобода поработенного брата» заставляет другого поэта вещать счастье осаждающим Адрианополь: «Счастливы вы тем, что увидите, как буйнотам взрастет зерно свободы и скоро даст колос для жатвы обильной и богатой. И счастливы, трижды счастливы будете вы, что жнецами этой жатвы обильной будете вы и ваше поколение» (Христо Борина). «Даже павших не зачем оплакивать»: «Жизнь расцветает из их крови... Завидная доля! Вечная слава! Не оплакивайте их... Они заря, разодравшая черную ночь рабства» (Северина). Автор настолько тронут освободительной миссией «героев», что убеждает публику построить им храм в своей душе — «и в дни горести и уныния, в наши дни безверия, крепко храните их завет».

Другой какой-то автор «одиноким, мрачным томился в боязни, что больше нет подвигов в Болгарии, что идеал пал уже в прах, что богу живому никто не поет гимнов... И пропадал он без веры в жизнь и в болгарский дух». «Но пушки загремели в поработенном краю... Тогда в кровавой мгле страшной войны одинокий забыл слезы и кровь, а видел он только подвиги, только устремления и борьбу; и радовался он крепко, что страшная война пробудила в народной душе эти жемчужины, эти ценности, и что дух народный посредством смерти и крови сильнее начал жить». Какой-то Хр. Ряховский в восторге от «освободительной войны»: «Пять столетий борьбы без отдыха, без покоя подстерегали мы час кровавой битвы! Пять столетий нас зовут: вперед, отомстить, всем умереть или победить!»

Иван Вазов тоже заверял, что «не из-за завоеваний боремся мы»: «Не жаждем мы ни добычи, ни славы». И все же, когда болгарское войско дошло до берегов Эгейского моря, Вазов посылал «привет классическим волнам»: «Не в гости мы к вам приходим,— заверял он,— а постигаем свою дорогую мечту. Пришли мы—и здесь мы останемся... Море, ты нам не чуждо: через долгие столетия снова в хрусталь твоих волн смотрит на себя болгарский стяг». Но по-эту недостаточно за в о е в а н и я берегов Эгейского и Мраморного морей. В то время у царя Фердинанда было все приготовлено к в'езду в Константинополь. Но турки уперлись на линии Чаталджи, а холера косила болгарское войско, и напрасно Вазов застрашал, что болгарский лев уже вз'ерошился и готовится перелететь все препятствия и снова «как в былые века, над Золотым Рогом зарыкать». Так как виноград оказался кислым, поэт принужден был посоветовать болгарским войскам: «Ну, ребята, оставьте что-нибудь (т. е. Константинополь) для ваших сыновей». Таким образом, и у Вазова проглядывает настоящий хищнический образ «священной», по его словам, войны против турок. Когда он взывал к солдатам: «Ура! Летите! Ура! Вперед!» — поэт величия болгарской буржуазии исполнял ее классовый заказ. Весь проникнутый психологией зажиточного мещанства, Вазов мог совершенно искренно исповедываться в том, что «быть может, скоро я умру — не жалею. Я видел твою славу, Болгария, дождался, мать, великой этой чести — триумф твой прекрасный воспеть».

Завоевательный, а не освободительный характер войны против турок проглядывал совершенно открыто из каждой строчки всяких выползших из щелей мошек и букашек, бросающих алчные взгляды на чужие земли и особенно на Константинополь. «Освобождение» неизвестно кого было слишком прозрачной маской, не успевающей скрыть лик медузы алчного завоевания.

«Чаталджа, проливы, Дарданеллы, что они значат для нас?— кричал какой-то одержимый.— Войдем в Царьград — и пусть умрем тогда». А одна дамочка из столицы, обращаясь к «победителям» (уже не к «освободителям»): «Юнаки, куда как лучи пламени, перелетаете из города в город? Через дым пороха ваши взгляды разрушают стены до самого Царьграда! Поклон вам, носителям славы для любимой, родной страны! И пусть злобный враг шумит сколько хочет — развеите там вы наши знамена!» «Одному поэту из провинции» узко уже в тех пределах, в которых мы до сих пор жили — «душа жаждет простора». Его взгляд доходит до Эгейского моря: «По твоему спокойному лицу поползет бесчисленное множество кораблей, откроется свободный путь для близких и далеких краев, небывалая жизнь забрызжет, труд умножит богатства, Болгария превратится в рай, будет она славная и великая — привет тебе Эгейское море!»

Эта «жажда просторов» не что иное, как сказочная обжорливость болгарской буржуазии, разделяемая, впрочем, всей буржуазией на Балканах.

Пафос всей этой патриотической поэзии был сведен на реальную почву классовых интересов купцов в появлявшуюся за время войны рекламу софийского коммерсанта Янко Бакарджиев, написанную тоже в стихах «Пусть турки снова начнут,— вы все наготове, вы наступите на Галипполи, вы бомбардируете Андрианополь, и пойдете дальше наводить порядок в Македонию... где Янко будет продавать, но в кредит не будет отпускать».

Понятно, что война, в основе которой лежало стремление к расширению рынков всевозможных Янко, продающих чистоганом, не могла вдохновить

настоящих певцов и породить пламенную поэзию свободы. Ведь нельзя себе представить купца Янко или исполнителей его заказа в позе Руже-де Лиля, творящего свою марсельезу... о продаже товаров на расширенный рынок...

Пока «военное счастье» было на стороне болгар, вся буржуазия прилипла к престолу своего царя Фердинанда, опивалась мудростью и дипломатическим гением его, а слюнвявые сентименталисты воздвигали его жену в божество гуманности, о чем распинались все поэты, начиная Вазовыми и кончая провинциальными рифмоплетами.

Вся поэзия балканской войны рассказывает о вихревых взлетах, буреносных устремлениях, ураганных налетах, о громах и молниях победоносного *bête humaine* или, по словам Вазова, «балканского беса». Рекорд в этой поэзии типа «гром победы раздавайся!» держит эпигон Вазовской школы, Кирилл Христов.

Самый свирепый сборник его стихов — это «На нож!» «Убивай!» — неистово кричит поэт, никогда пороха не нюхавший, а охраняющий свое дорогое существование в столице. — «Желанный день настал, — борьба началась! Убивай! Очередь за нами! Расчищай путь! Вперед!.. У врага мать дорогая, — но зверя она родила! Убивай! не жалеи! коли! секи! режь!» «Идем, идем мы, чернь проклятая! — кричит храбрый поэт из своего софийского далека к туркам, — встречай нас и трепещи!» Каждая строфа «Боевой песни» поэта оканчивается рефреном: «на нож!». Написал он и специальную «Песнь ножу». О мире — ни слова. Мир? Чтобы снова буря поднялась? Чтобы завтра снова лить кровь? — нет! Поэт пойдет на мир только тогда, когда «над святой Софией снова заблещет старинный крест!» «А это совсем недалеко, так как болгарские солдаты уже царство захватили ножом — им Царьград только остался! Знают они: только там останутся, перед Босфором, где гордые, смелые не отступятся ни на иголку от того, чем кровью завладели!»

Но вдруг — победа болгар сорвалась. Вспыхнула война между самими союзниками. Болгары покинули турецкий фронт, и не только «на иголку» отступили, но, отказавшись и от завоевания Царьграда, и от уже давно взятого ими кровавой осадой Адрианополя, они перебросились на западный фронт, очистив таким образом дорогу туркам, которых пришлось умолять о том, чтобы они, получивши обратно все свои земли, не вторглись в старые пределы Болгарии. Междусоюзническая война кончилась полнейшим разгромом Болгарии. Яблоком раздора между «союзниками» являлась Македония. По тайному договору, она была поделена между болгарами и сербами на бесспорную зону, которую должны были после войны оставить у тех или других, и спорную зону, по которой арбитром должен был явиться русский царь. В то время как болгары дрались за Константинополь, греки и сербы захватили Македонию и там оставались, вынуждая болгар к уступкам, пока болгарская армия, в июне 1913 года, не об'явив официально войну, попробовала вторгнуться в захваченную «союзниками» часть Македонии. Период до этой второй балканской войны был исполнен словесной войны, в которой живое участие принимали и поэты балканских стран.

В сборниках стихов «Крваве цветове» и «Нове крваве цветове» сербский поэт Воислав Ильич Младший проповедывал бешеный шовинизм против болгар, на что болгарские поэты не остались в долгу. Старый славянофил Вазов видел крушение своих надежд. Обращаясь к сербским поэтам, он оправдывался, что не является «сеятелем вражды, певцом озлобления» и что его песнь не что иное, как «горький стон скорби», гнев и живое выражение всенародного страдания: не может же живая плоть молчать под острием ножа». В словах сербских шовинистов: «ни вершка Македонской

земли Болгарии!» видит Вазов нарушение принципов славянофильства. «Ни вершка Македонии вам!» — приводит он слова сербов, и отвечает такими же шовинистическими возгласами: «Да, земля эта наша (болгарская), наша, наша!.. Из-за нее дали мы бесчисленные жертвы, из-за нее умирали мы у Люле-Бургаза, из-за нее, после сияющих триумфов, носим мы не лавры, а траур в этот час!»

Но настоящим *enfant terrible* болгарского шовинизма в поэзии и тут является Кирилл Христов.

Справившись в своем сборнике «На нож!» с турками, этой толпой бесконечно жалких нищих», поэт набрасывается на «союзников» со спором: «Что наше?» — «И еще что наше?» У него нет спорных и бесспорных зон. Поэт расставил перед собой карту Балканского полуострова и из ее названий составляет два стихотворения, где он выставляет «нашим», т. е. болгарским, «все то, что мы кровью облили», в том числе и Салоники, и добрую половину Сербии, и если кто пожелает усвоить хоть вершок этого добра, «мы разможем ему голову, как змее». Недовольный наследством всей европейской части Турции, наш патриот перечисляет и все города в сербской области Моравы и страшает «свинопаса-серба»: «Наступает день, когда через болгарский край (т. е. сербскую провинцию около р. Морава) вы побежите назад, как жалкие воришки, когда пырнем мы вас ножом сзади» — «Гей! граница наша будет на Мораве!»

С греками поэт справляется в «Заздравной за Салоники». Правда, у него выходит немножко... неблагоуханно, но таково уж свойство его музыки. Он приглашает эвзонов (греческие солдаты) покинуть город святого Димитрия: «Не послушаетесь вы, дело кончится скандалом. И эвзоны, что по неправому пути народ сумасшедший в Салоники послал, отнесут на свои фустанелы¹ земли и континенты неизвестные».

Но всего свирепее является муза Кирилла Христова к сербам: «Гей, болгарин! — не будь святой!», ибо «чешется Сербия, чешется»². «А ведь ты сам так устроил, бог, Сербии такую долю: чтоб спина не могла обойтись без скребницы!» В «Манифесте поэта» неистовый шовинизм приглашает «болгарского храбреца» занести «неслыханных бед сербскому краю!.. Огнем и мечем пройди ты через сербскую страну!.. Возмездие воздай! В крови пусть обольется сербский край... Покрой самыми лютыми ранами зверя-воина и закопай его живым в землю! Пусть в ад превратится сербский край!»

МИРОВАЯ ВОЙНА

Когда пронеслась мировая война и Болгария годом позже покинула нейтралитет и примкнула к ней, не оправдалась латинская фраза о том, что звенит оружие, музы умолкают. Наоборот, в смысле количества это было как раз время изобильной жатвы на поле болгарской поэзии. С мала до велика, всяк, кто мог орудовать пером, заполнял стихотворной продукцией газеты и журналы, особенно официальные органы предназначенные для фронта. Наступил настоящий урожай стихов и рассказов, даже драма, в общем очень слабо развитая в Болгарии, старалась не отставать. Из военных периодических изданий эти произведения перелились в гражданскую печать, перегрузили ее и начали выходить отдельными томиками, тощие по объему, но с

¹ Кафтаны.

² Игра слов: «Сърбй я, Сърбйя, сърбй я».

вспухшими ценами, и начали бить фронт с тылу. Настоящее наводнение, поток книжной продукции!

Официальные места скупали издания. Авторы вдвойне выгадали: кроме обеспеченного, теплого местечка в глубоком тылу, они получали патриотическое поощрение и возможность одолеть дороговизну жизни и с'экономить мягкие бумажки на жесткие дни. О болгарском поэте за время войны можно сказать, что он превратился в купца. Он сам издавал плоды своих бессонных ночей, нагружал напечатанное произведение на повозку и отвозил его в те «благотворительные заведения», понятно, государственные, которые скупали его целиком, чтобы облагодетельствовать им многотерпеливый фронт. Самые изобретательные литераторы (Кирилл Христов, Д. Подзарвачев и др.) ухитрялись писать биографии... живых болгарских военачальников, скупавших всю продукцию,— конечно, средствами государства,— и поучавших фронт своей образцовой жизнью мужей гениальных и бескорыстных. Биография составляет прозаический род словесности, особенно когда излагает жизнь никому неинтересных знаменитостей. Но биография министра войны или главнокомандующего может превратиться в «поэзию» для автора, по сумме реальных результатов.

Что представляла собою болгарская поэзия периода мировой войны?

Поэзия — функция общественной жизни. Нигде эта истина не блещет так ярко, как в поэзии за время войны. «Чистая поэзия», «свободное искусство» — ничего подобного! Поэзия в период войны была настолько приспособлена к потребностям момента войны, что смело можно сказать: поэзия была мобилизована. Это была в буквальном смысле поэзия по военному заказу. Заказываема была эта поэзия с определенной целью: замазывать классовую рознь, служить духовной спайкой нации и направлять ее волю к победе.

Мотивы и содержание этой поэзии крайне ограничены. Все вертится вокруг войны, вокруг боев и их эхо,— вокруг патриотизма, составляющего идеологию этой войны. Но даже сама война,— тема, которой ограничивалась эта поэзия,— не была и не могла быть изображена всесторонне. Рассматривалась и изображалась она постольку, поскольку нужно было, чтобы подымалось патриотическое и воинственное настроение. Ужасы, страдания, разрушения, опустошения войны находились вне поля зрения этой поэзии. Если она как-нибудь промолвится о них, то находит их только у врага, представляемого ею единственно страдающим, в то время, как мы, болгары, знаем только победы, гром и блеск сражений, оупьянение успехом. С нашей стороны не видно жертв. Убитых и раненых, без вести пропавших и замерзших дает только противник. Нам известно только улыбающееся лицо военного Януса,— его заплаканное лицо обращено к противной стороне. Таким образом, даже ограниченные темы войны разработаны ограниченно, односторонне. Истинного лика войны не видно в поэзии. Если бы война только в ней отражалась, она бы смотрела на себя в кривое зеркало. Болгарская поэзия за время войны — поэзия ложная, выдуманная.

Вот почему у нее нет вдохновения. Пафос у нее неискренен. Фальшь поэзии обуславливалась хищническим характером войны. Если война была бы на самом деле войной освободительной, как ее выставляла буржуазия, гений свободы трепетал бы в этой поэзии, одухотворял бы ее и исторг бы могучие звуки вдохновения.

Без этого — она осталась поэзией без вдохновения.

Нельзя себе представить поэзии столь грубо тенденциозной, как эта. Предвзятая идея, сшитая белыми нитками, бросается в глаза, отталкивает от этой поэзии, приспособленной к целям завоевательной войны. Шовинистическое бешенство брызжет из нее. Все у нас хорошо, у противника — все плохо. Болгарин — храбрый, враг — трус. Можно допустить у последнего известную дозу смелости, лишь поскольку это необходимо, чтобы оттенить нашу храбрость. Болгарин — великодушный, он чужого не хочет, борется он только за то, что свое (а под своим он понимает весь Балканский полуостров, на том простом основании, что когда-то болгарское войско было тут и там). Противник — подлый эгоист, потому что не соглашается добровольно быть скушанным великодушным болгаринцем. Болгарин — неуязвим, он летит от одной победы к другой, не чувствуя ни голода, ни жажды, ни усталости. «Всюду летишь ты все тот же, — пишет Вазов, — в стихиях и в бою, с твоим криком: вперед! попадашь в опасности, где враг? — спрашиваешь, и гонишь его всюду. Здесь крепости ты рушишь, там — ударяешь на города, завоевал — и снова ты летишь»... Он — неодолимый, никакое препятствие не может удержать его торжествующий ход. Он движется плотной стеной и сметает врагов, без малейшего урона со своей стороны, без того, чтобы по крайней мере один камешек упал с этой стены. Война для болгарина — это ликование, упоение, экстаз, парад, «моральная баня» (по выражению Вазова), он готов ее вести до бесконечности, его беспокойный дух только и ищет врагов, чтобы сокрушить их. Как царственный лев в пустыне, ширится он по полям битвы и рыканием вселяет страх и трепет врагам.

При болгарском благородстве, великодушии, честности и справедливости, вот какими эпитетами Кирилл Христов награждает сербов: свинопасы, изверги, грабители, хищники, низкий род, подлое отродие, народ вырожденцев, сумасшедший народ, безумный народ. Характерно уже то, что самую большую популярность приобрела последняя песенка какого-то бездарного писателя о «союзниках-разбойниках», превратившаяся в известное время чуть-ли не в национальный марш. Только в этой песенке противники и обозваны, кроме разбойников, еще коварными, подлыми, бесстыдными, демонами, преступниками, еподлой и завистливой чернью, порождением злобы и бешенства.

Шовинизм не пощадил ни одного из пишущих за время войны болгарских поэтов. От Вазова, патриотизм которого составлял специальность его жизни, через Кирилла Христова, продавшегося правительству, и кончая каким-то писакой, сделавшимся потом редактором «Народа», органа «широких социалистов», взывающим к солдатам: «Юнакеи, Болгареия сейчас с поднятой головой... Летите! И когда дойдете до голубого озера Охридского, пройдя Преспу, и Стругу, и Дрин, скажите им, что о них мы мечтали годами». Или же: «Вы достигли снежных вершин светлого бессмертия и славы, вы достигли порога вечности! Солдаты, солнце озаряет ярко родину — судьба зовет ее по начерченному вашими кинжалами пути».

Все поэты видели границы Болгарии, омываемые тремя морями (Черное, Эгейское и Адриатическое). Достигнуть Салоник и Адриатики казалось им так легко, как легко казалось синице зажечь море. Это легкомыслие объясняется тыловым положением Аполлоновых чад.

Ни один из воинственных певцов славы болгарского оружия не был на фронте, если не считать фронтом штабы дивизии, до которых осмеливались храбрые поэты. Не говоря о старике Вазове, никогда не видавшем столь воспеваемую им Македонию и не поехавшем туда даже за время войны, когда военные машины стояли в его распоряжении, но и самый яростный из воин-

ствующих поэтов, Кирилл Христов, тоже не решался осквернить свои взоры и посмотреть на войну поближе.

Как и балканские войны раньше, так и мировую войну теперь Кирилл Христов предпочитал воспеть, не нарушая свое спокойствие в столице. Его атаки напоминают казарменные упражнения солдат над чучелом: «Колют в грудь, — поэтизирует он — колют в живот». Воспевает он ружье, никогда не поднятое его рукой. «Хорош воин, хорошо его ружье, красивое, легкое — перо! Оно его невеста¹, оно его подруга, его он любит больше всего!». Свирепость поэта возрастает в обратном отношении с расстоянием его от фронта. Ему не хочется оставить хоть бы «одно ребро не сломанное» у «газды Джуро» (презрительная кличка сербов): «Тебя бой, бой и только бой тебя ожидает — ведь крепок Ганю (кличка болгар), крепка и его палка». Поэт боится, что где-нибудь еще может прозвучать сербская речь, и потому нельзя было, «после того, как стерли с лица земли царство сербское», «оставлять воспоминание об этом подлом роде»: «Будь беспощаден, о, брат мой, пусть погибнет или пусть будет обречен в изгнание тот, кто сербской речью грязнит нам воздух и кто сербом себя назовет в этом краю». Кровожадность поэта доходит до апогея в стихотворении «Да здравствует смерть!» Что от того, что умирали «люди и народы? — Этот мир представляет собою дремучий бор, где жизнь не потухает ни на одно мгновенье: сегодня буря ломит, завтра — с большею силою вырастет!».

Вазов, пресловутый проповедник гуманности, расписывается: «да здравствует священный кулак!» От сербов этот славянофил выделяет болгар, что будто бы мы далеки от них так, «как херувим от бесов, как небо от ада». Воспевая завоевательное оружие болгар, Вазов почему-то считает себя не певцом ненависти и озлобления. Правда, у него шовинизм вполне определенный и незыблемый, не принимает таких уродливых форм, как, например, у Кирилла Христова. Но и ему, как и всем певцам «болгарской славы», можно было бы поставить вопрос: что вы сеете? и его же словами ответить: «Грозная, пагубная зараза. От ваших желчных песен веет вихрь злой ненависти».

Смотря на софийском вокзале на уезжающих на фронт солдат, Вазову казалось: «на битву ли они идут? Нет, на свадьбу». Не так празднично понимает войну Людмил Стоянов (в сборнике стихов «Меч и слава — героические песни о Болгарии»). «Пою я войну и ее ярость стремительную, войну с ее страданиями и молниями, пролитую кровь искупительную, руку, протянутую не для тостов дивному подвигу Христа (свет всеспасительный!) — протянутая, задыменная и черная, дрожащая к трубному зову, горящая и величаяя: пою красное солнце, чье имя «Война». Правда, поэт остается при обещании, ибо война не находит свою эпопею в его сборнике стихов. Вряд ли есть поэзия, например, в его «Солдатской»: «Снова нож ли поднял против нас влах (румын), воровский сын? Побьем его, бедняги, погибнуть до одного!» и т. д.

«С поля чести», т. е. из штаба дивизии, откликнулся и Христо Цанев Борина. Из самого его сборника стихов, хотя он и украшен солдатским ножом в венке и на щите крест за храбрость, нельзя заключить, что автор видел войну поблизости. Приторный вкус, тепловатая водица, безразличные чувства, посредственные мысли, бледные образы. Архаичные понятия о войне: «за отцовский край, веру и род», или «с вами будет и ваш царь». Совершенно штабная «поэзия».

¹ «Ружье», по болгарски «пушка», в женском роде.

Его тезка Христо Цанков Держан тоже не опоздал со сборничком стихов «Кровью и огнем». Такая же тыловая поэзия, никакого намека настоящей войны. Ему показалось, что видит он первого болгарского царя Испериха, летящие «как вихрь», «сияющие, гордые и вольные» — и снова зазвенели боевые стремени, и «хвосты лошадиные колыхались в широко открытой дороге»; или же, при современной машинной войне, его воин с кривым мечом: «И когда пробил час за битву и сечь, у него один товарищ только остался — окровавленный меч».

Даже кроткий и сентиментальный Михаил Теофилов раз'яряется войной, и он начинает петь о ножах (сборник стихов «В бурные дни»). Вот как он обращается к «болгарскому ножу»: «Ты крест наш, новое знамение, молитвенник и вождь, к подвигам волшебное слово, всегда готовое взлететь», — «звени, о нож, с победными ура, хотя и покрасневший кровью. Кто убежит от ножевого вихря?» Покойный Иван П. Иончев написал «Песню песней»: «если вернешься победителем, моим ты будешь; побежденный ли вернешься — не проходи мимо моего чертога». Это напоминает ту французскую крестьянскую девушку (у Поля Деруледа), которая поцеловала солдата, идущего сражаться с пруссаками и, когда после поражения солдат снова проходит через деревню, крестьянка ему кричит:

— Солдат, отдай мне поцелуй назад, —
Я побежденных не целую!

Начинающий поэт Иордан Стубель поздравлял зарю: «О, день, когда среди подвигов и славы перед нами блещет Ахиллесовый щит!.. Поэт поет свой звучный гимн и славословит нашего героя».

Елин-Пелин мастерит заказанный «Букет юнаку». Александр Балабанов украшает себя чужими перьями, воспевая чужим голосом «Охрид голубой». Антон Страшимиров трудится над возвеличением своего племени. Николай Райнов выпускает апологию болгарской славе и оружию: «Видения из древней Болгарии», где автор оправдывает войну защитой родной земли от иностранцев: «Из-за нее выхватил я меч против иноземцев. Ибо не желал я, чтобы чужие назвали своею мою землю».

По мнению Стильяна Чилингирова («За род и честь»), пришел «день мщениа и расправы», и потому автор пишет одну за другой песни о ноже, о ружьях, «об ура». Но догадывается, что никому не нужны эти «жалкие песни» и оправдывает их появление тем, что они будто бы составляют «первые небольшие листики лавров» солдатских.

Счастье для болгарского народа составляет то обстоятельство, что вся эта литература канула в Лету, оставив только одну мертвую полосу в болгарской поэзии, как мы ее характеризовали в свое время.

До сих пор мы говорили исключительно о буржуазной поэзии за время войны. О пролетарской поэзии, к сожалению, ничего нельзя сказать: в то время ее совсем не было, да и военная цензура не допустила бы никаких произведений, противных шовинистическим настроениям. Удивительно даже то, как она пропустила за время балканских войн одно пасифистическое стихотворение в «Рабочем вестнике», выражающее всеобщую усталость от войны, желание скорейшего мира: «Один голос разносится — всеобщее желание в злосчастном родном краю, вдоль и вширь: довольно крови, мук и истязаний! Весь народ с трепетом ожидает дорогой мир!».

После войны вся ее поэзия сразу отхлынула. Ничего от нее не осталось. Ни одного прочного произведения!

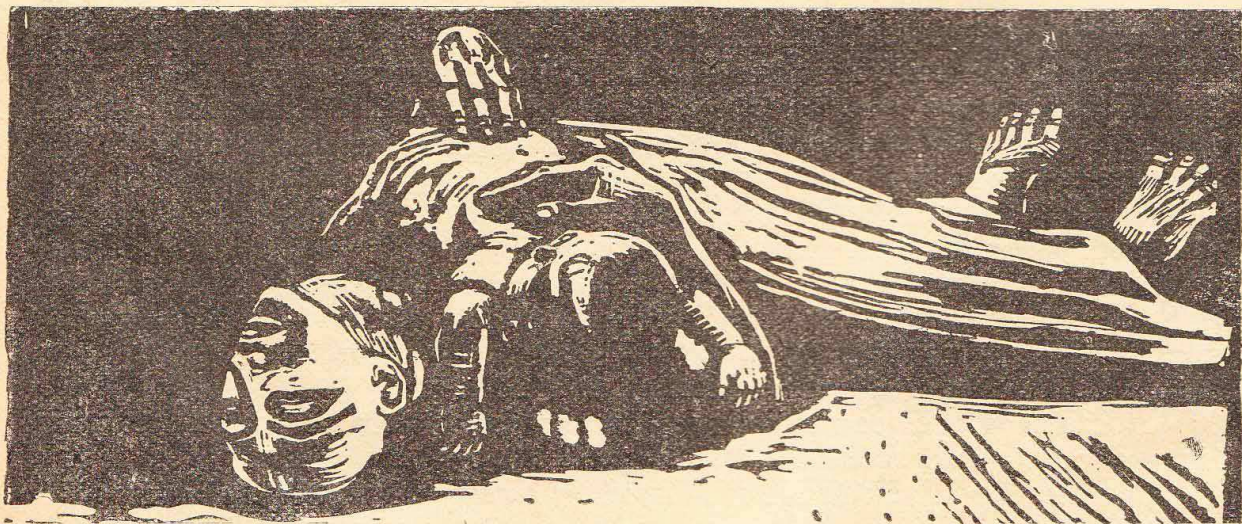
Военные темы так надоели и приелись всем, что возвращаться к ним было бы рискованно: никто бы не читал таких произведений. Войне посвя-

щены были еще рассказы «Кровавые пятна» — Владимира Мусакова, писанные во время войны, которой автор стал жертвой, но изданные после смерти. Это единственное художественное произведение, в котором изображены ужасы войны не под патриотическим уклоном.

Пролетарская литература в Болгарии начала создаваться уже после войны, в связи с массовым движением пролетариата и крестьянства. Но текущие нужды этого движения вполне поглощали внимание пролетарских поэтов, чтобы они могли посвятить свой досуг на обработку накопленного за время войны материала. Когда пролетарская поэзия Болгарии уже значительно окрепла, выдвинув такой крупный талант, как покойный товарищ Христо Смиренский, и могла уже приступить к расширению объема своих тем, включив в него и художественную обработку с пролетарской точки зрения вопросов войны, фашизм разломил самую пролетарскую литературу вместе с движением.

Из небольшого отражения войны в пролетарском творчестве Болгарии у нас в распоряжении находятся только два стихотворения: одно Асеня Расцветникова (молодой поэт, который после первого небольшого сборничка стихов поспешил сделаться ренегатом, испугавшись фашистского террора), где глухо рассказано о казни солдата, проповедывающего на фронте революцию; другое, «Да будет день!» Христо Смиренского, рисующее «ночь черную, зловещую и ледяную, как смерть», когда «в народной земной груди струится медленно горячая кровь», потому что «безокий демон войны поднял хищно знамена в дымящих развалинах». Поэт рисует «роковой силуэт какого-то огромного креста», к которому «тысячные толпы отовсюду идут, подгоняемые яростью золотого бога»: «непрерывной цепью» идут толпы во мраке, становящемся все глубже. «Грудь жадно хватает воздух, глаза просят света. Одна мечта, тоска одна горит и тает в душах, и через слезы и кровавый гнет, через ужас холодного мрака крик возбужденный гремит со всех сторон: Да будет день! Да будет день!»

Изображенное пролетарским поэтом революционное воздействие войны на трудящиеся массы настолько было огромным, что болгарская буржуазия долго трепетала перед призраком революции. Кровавым террором она успела ее отсрочить. Но что ей не избежать революции, она так же убеждена, как и сами революционеры.

Кетти Кольвици

«Война»